кругом, занес шашку. Австриец бежал над решеткой, Григорию неловко было рубить его с левой руки, но он перевесившись с седла, косо держа шашку, опустил ее на висок австрийца. Тот без крика прижал к ране ладони, и разом повернулся к решетке спиною. Григорий не удержав коня проскакал, и повернув ехал рысью. Квадратное, удлиненное страхом лицо австрийца чугунно чернело. Он по швам держал руки, часто шевелил пепельными губами. С виска его, упавшая наосклизь шашка стесала кожу, она висела над щекой красным лоскутом. На мундир кривым ручьем падала кровь. Григорий встретился с австрийцем взглядом. На него мертво глядели залитые смертным ужасом глаза. Австриец медленно сгибал колени, в горле у него гудел булькающий хрип. Жмурясь Григорий махнул шашкой. Удар с длинным потягом развалил череп на двое. Австриец упал, топыря руки, словно поскользнувшись, глухо стукнули о камень мостовой половинки черепной коробки. Конь прыгнул, всхрапнув, вынес Григория на середину улицы.

По улицам перестукивали редеющие выстрелы. Мимо Григория вспененная лошадь пронесла мертвого казака. Нога его застряла в стремени, и лошадь несла мотая избитое оголенное тело по камням. Григорий его видел только красную струю лампаса, да изорванную зеленую гимнастерку, сбившуюся комом выше головы.

Муть свинцом налила темя. Григорий слез с коня и замотал головой. Мимо него скакали казаки подоспевшей третьей сотни, пронесли раненого на шинели, прогнали на рысях толпу пленных австрийцев. Они бежали скученным серым стадом и безрадостно дико звучал стук их кованных ботинок. Лица их слились в глазах Григория в студенисто-глиняного цвета пятно. Он бросил поводья и, сам не зная для чего, подошел к зарубленному им австрийскому солдату. Тот лежал там-же над игривой тесьмой решетчатой ограды, вытянув грязную коричневую ладонь, как за подаянием. Григорий глянул ему в лицо. Оно показалось ему маленьким, чуть-ли не детским, несмотря на висячие усы и измученный, — страданием-ли, прежним-ли безрадостным житьем, — покривленный суровый рот.

— Эй, ты! — крикнул проезжая посреди улицы незнакомый казачий офицер. Григорий глянул ему на белую запыленную кокарду и спотыкаясь пошел к коню. Путанно-тяжек был шаг его, будто нес за плечами непосильную тяжесть. Гнусь и недоумение комкали душу. Он взял в руки стремя и долго не мог поднять затекшую ногу.